

УДК 340

Уголовное законодательство об ответственности за убийство в состоянии «оправданного» аффекта: системная характеристика и критический анализ

Бабичев А.Г.

Кандидат юридических наук,
докторант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье дается социально-психологическая и морально-правовая оценка уголовного законодательства России и зарубежных государств об ответственности за убийство в состоянии сильного душевного волнения (аффекта), вызванного провоцирующим поведением потерпевшего, проводится сравнительный анализ действующего уголовного законодательства, даются рекомендации по его совершенствованию и недопущению ошибок в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: убийство, аффект, сильное душевное волнение, психическая (эмоциональная) напряженность, стресс, виновный, потерпевший (жертва), противоправное или аморальное поведение (деяние), психотравмирующая ситуация, смягчающее обстоятельство, «привилегированное» преступление.

Гнев есть зверообразная страсть по расположению духа, способная часто повторяться, жестокая и непреклонная по силе, служащая причиной убийств, союзница несчастья, пособница вреда и бесчестия.

Аристотель

Среди «привилегированных» видов убийства действующий Уголовный кодекс России выделяет состав убийства, совершенного в состоянии аффекта, вызванного провокационным поведением потерпевшего (ст. 107). Этот вид убийства, совершаемого при смягчающих ответственность обстоятельствах, имеет в своем основном составе признак, указывающий на особое психическое (душевное) состояние лица, которое в диспозиции ст. 107 УК РФ именуется законодателем и как «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», и как «состояние аффекта», что равносильно признанию этих понятий равноценными или тождественными. С позиции нейрофизиологии и психологии такое мнение является ошибочным. Называя состояние виновного во время совершения убийства аффектом, отечественный законодатель не различает также **аффект физиологический** – состояние психического расстройства, не исключающее вменяемости, и **аффект патологический** – психическое расстройство, исключающее вменяемость и являющееся субъективным основанием, исключающим ответственность за содеянное.

В данной статье четко не просматривается **непосредственная временная связь аффективного состояния** виновного, обусловленного насилием, издевательствами, тяжким оскорблением либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего, с этим **психотравмирующим и провокационным поведением потерпевшего**. Не спасает положения указание на внезапность сильного душевного волнения (аффекта), вызванного таким поведением жертвы убийства, поскольку **признак «внезапности»** или **неожиданности** характеризует особенность возникновения и проявления аффекта в виде «эмоциональной вспышки» («взрыва эмоций»), но не сам промежуток времени между виктимно-провоцирующими действиями (бездействием) жертвы и возникновением аффекта у виновного в убийстве лица. Этот промежуток должен быть незначительным, находиться в допустимых границах, свидетельствующих о непосредственном возникновении аффекта вслед за противоправным или аморальным поступком потерпевшего, который бы и явился конкретным

внешним толчком, «запустившим» процесс эмоционального «возгорания» в психике виновного. Иными словами, между нанесенной обидой и аффектом, возникшим у обиженного, должна существовать действительная и непосредственная связь. Допустимый промежуток здесь должен служить показателем и быть следствием развития аффективного процесса после непосредственного внешнего воздействия психогенного характера, а это зависит не от одной длительности такого промежутка¹.

В судебной практике нет четкого понимания **«психотравмирующей ситуации»**, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего», и механизма, а также момента возникновения **«кумулятивного аффекта»** у виновного: имеется ли непосредственная связь его возникновения с конкретным психогенным поведением потерпевшего в соответствующей психотравмирующей ситуации или нет, чтобы суд мог сделать вывод как **о внезапности возникновения** у виновного аффекта, так и **о психологической и моральной оправданности** возникшего у него аффекта. К сожалению, законодатель не внес достаточной ясности в данный вопрос, а Пленум Верховного Суда РФ не дал по нему какого-либо разъяснения.

Из смысла закона (ч. 2 ст. 107 УК РФ) нельзя также сделать однозначного вывода о том, можно ли квалифицировать как совершенное в состоянии «оправданного» аффекта убийство двух или более лиц, когда «оправданный» аффект у виновного вызван непосредственно провокационным поведением одного потерпевшего, а другие жертвы в ситуации преступления не вели себя противоправно или аморально. Этот вопрос также требует разрешения на законодательном уровне и (или) на уровне толкования его в руководящем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Учитывая процессы интеграции и глобализации, происходящие в современном мире во многих сферах жизнедеятельности людей, в частности, процессы взаимовлияния и взаимопроникновения национальных правовых систем, актуальным и полезным делом представляется изучение зарубежного уголовного законодательства, включая нормы об ответственности за убийство, совершенное в состоянии аффекта. Изучение уголовного законодательства других стран дает необходимый информационный материал, снабжает исследователя и национального законодателя новыми интересными идеями и аргументами, которые, как справедливо заметил М. Ан-

¹ Как отмечает П.В. Симонов, «страх возникает до угрожающего воздействия, а испуг следует за действием» [см.: 1, с. 71]. Подмеченное психофизиологами свойство центральной нервной системы – относительно медленно приходит в движение и медленно успокаивается [см.: 2, с. 266] – позволяет допустить, строго говоря, какой-то незначительный промежуток во времени между противоправными или аморальными действиями потерпевшего и возникшим под их влиянием аффектом виновного.

сель, «нельзя получить даже при очень хорошем знании только собственного права» [3, с. 38].

В Англии, где правовая система остается некодифицированной и где прецедент и прецедентное право остаются важными регуляторами общественных отношений, в структуре противоправных посягательств на жизнь другого человека не выделяются «привилегированные» убийства. К таковым с большой натяжкой можно отнести **«простые умышленные убийства»**, которые из разряда **«тяжких убийств»** переходят в разряд **«простых убийств»** лишь при наличии каких-либо **смягчающих обстоятельств**. Прецедентная система права позволяет выносить различные, нередко прямо противоположные решения по таким категориям уголовных дел. Согласно Закону об убийстве 1957 г. к «простым умышленным убийствам», совершенным при смягчающих обстоятельствах, относят случаи убийства, когда **«обвиняемый был спровоцирован** на убийство, или **нанесенные ему оскорбления были рассчитаны на то, чтобы лишить «разумного человека» способности контролировать свои действия»**.

Здесь английский законодатель **решающее значение при смягчении ответственности** за убийство **придает не психическому состоянию виновного**, которое «лишает “разумного человека” способности контролировать свои действия» (фактическое состояние психики убийцы не указывается в качестве необходимого признака этого преступления), а **умышленной провокации жертвы** (нанесенные оскорбления или иные ее провокационные действия были рассчитаны на то, чтобы вызвать у обвиняемого, как и у любого «разумного человека», состояние, «лишающее его способности контролировать свои действия»). Однако люди существенно отличаются друг от друга по степени устойчивости к стрессам и формам реагирования на объективно или субъективно провоцирующие обстоятельства. Не абстрактные свойства личности среднего «разумного человека», а личностные особенности каждого человека «определяют устойчивую предрасположенность к тем или иным формам реагирования в стрессе» [4, с. 74]. Так что предположение о нахождении обвиняемого в состоянии, «лишающем его способности контролировать свои действия», во всех случаях, когда имела место сознательная провокация жертвы, является ошибочным. Едва ли российскому законодателю можно что-то заимствовать у английского законодателя и правоприменителя для успешного уголовно-правового противодействия убийствам, совершаемым в состоянии «оправданного» аффекта. Интерес может представлять, пожалуй, лишь то, что **сознательное намерение, умышленное провоцирование** состояния, «лишающего виновного способности контролировать свои действия», следовало бы рассматривать как **обстоятельство, смягчающее наказание** за убийство в

состоянии «оправданного» аффекта. В **сознательной провокации жертвы**, продиктованной желанием вызвать у виновного состояние, толкающее его на неадекватные поступки, обнаруживается **повышенная степень «вины потерпевшего» и виктимности его поведения** в ситуации преступления.

Следует также сказать, что «состояние, **лишающее человека способности контролировать свои действия**», на которое английский законодатель указывает как на обстоятельство, возникновение которого сознательно провоцирует потерпевший, может рассматриваться **не как смягчающее, а как исключаящее ответственность** за любое преступление обстоятельство. Общеизвестным, а в уголовном законодательстве РФ (ч. 1 ст. 21 УК РФ) закрепленным как обязательное правило, является то, что в случаях, когда лицо **во время совершения преступления «не могло руководить своими действиями»** вследствие «временного психического расстройства», оно **«не подлежит уголовной ответственности»**, поскольку оно «находилось в состоянии невменяемости». В этом отношении указанные положения английской доктрины права не могут служить хорошим примером отечественному законодателю.

В США как «простое умышленное убийство» рассматривается убийство при смягчающих обстоятельствах, если оно совершено **«в состоянии чрезвычайно сильного душевного волнения, не исключаящего вменяемости, вызванного умышленной провокацией»** (например, ст. 125.27 УК штата Нью-Йорк). При этом «провокация» должна быть: **действительной; способной вызвать утрату контроля над собой; промежуток времени между «провокацией» и убийством не должен быть «достаточно большим», чтобы «разумный человек» мог «остыть»;** лицо, виновное в убийстве, **во время его совершения еще не «остыло»; у него не должно быть осознанного намерения отомстить потерпевшему за его провокационное поведение; инициатором провокации (соры, драки, побоев, внезапно обнаруженной супружеской измены) не должен быть виновный.**

Наличие в составе убийства, предусмотренного данной уголовно-правовой нормой, «состояния **чрезвычайного сильного душевного волнения**» и того, что оно вызывается **извинительным с моральной стороны поводом** («умышленной провокацией потерпевшего»), **достаточным** («способным вызвать утрату контроля над собой»), **стрессогенным с психологической стороны фактором**, представляется в определенной мере удачным решением законодателя: если иметь в виду **состояние аффекта**, то это не просто «сильное» душевное волнение, а «**чрезвычайно сильное**» психическое (эмоциональное) напряжение, переживание или волнение – испуг, переходящий в страх и в ужас; гнев, переходящий в ярость; глубокая тоска, переходящая в

отчаяние; ярко выраженная враждебность, переходящая в ненависть, и т.п.; в то же время **внешний повод**, вызывающий нервное потрясение у виновного, **должен обладать такими психотравмирующими качествами, которые любого «разумного человека» способны вывести из «душевного равновесия», «не исключаящего вменяемости»;** не вызывает возражения и то, что **убийство должно быть совершено в то время, когда лицо, виновное в убийстве, уже находилось в указанном состоянии психического расстройства и «еще не остыло»,** и это обстоятельство **исключает «осознанное намерение» убийцы «отомстить потерпевшему за его провокационное поведение».** Однако указание на **внезапность возникновения** соответствующего душевного волнения, свидетельствующее о **непосредственной связи** этого психического состояния с его «умышленной провокацией», как и **точное** (с точки зрения психологии) **название** соответствующего психического расстройства, «**не исключаящего вменяемости**», в данной уголовно-правовой норме отсутствуют. Здесь, на наш взгляд, повторяются указанные недостатки отечественного законодательства.

Особенности «континентальной (европейской)» системы права в решении рассматриваемой проблемы четко проявляются в уголовном законодательстве ФРГ, Франции и некоторых других государств Западной Европы.

Так, согласно § 213 УК ФРГ («менее тяжкий случай убийства») ответственность смягчается, «если тот, кто совершил убийство, **при отсутствии вины с его стороны, был приведен в ярость жестоким обращением с ним или с его родственником или тяжким оскорблением со стороны убитого человека и совершил деяние на месте, где он был спровоцирован...**». В данной правовой норме речь идет об убийстве, совершенном лицом в состоянии «**оправданного аффекта гнева, достигшего степени ярости** («чрезвычайно сильного душевного волнения»), вызванного «**жестоким обращением с ним или с его родственником или тяжким оскорблением со стороны убитого человека**». Ярость виновного, а вслед за ней и убийство, **спровоцировано самим потерпевшим**, то есть является **результатом «виновного» (виктимного) поведения самого «убитого» человека** («при отсутствии вины» в провокации аффекта со стороны убийцы). Указание на то, что данное убийство совершается «**на месте, где он (виновный) был спровоцирован**», косвенно свидетельствует о **внезапности возникновения аффекта и непосредственной связи совершенного убийства с провокационным поведением потерпевшего, а также об убийстве еще в состоянии «оправданного аффекта**, то есть **при внезапном умысле на убийство**. В сказанном следует видеть позитивный аспект исследуемой уголовно-правовой нормы в действующей ее редакции. Однако, **отсутствие в законе,**

кроме названных, каких-либо **других** (например, насилие, издевательство и т.п.) **противоправных или аморальных действий (бездействия) потерпевшего**, неоправданно сужает сферу применения данной нормы, имея ввиду большое разнообразие способов, способных спровоцировать справедливое негодование человека. Кроме того, законодатель ФРГ, на наш взгляд, ошибочно определяет **лишь один вид аффекта** (гнева-ярости), хотя состояние «оправданного» аффекта может возникнуть и способствовать выбору преступного варианта поведения **с другим эмоциональным знаком и переживанием** (например, состояние ненависти, отчаяния, ужаса).

Наказание за такое «менее тяжкое убийство» предусматривается только в виде лишения свободы сроком от одного года до десяти лет, что, как нам представляется, не соответствует сравнительно небольшой типовой степени общественной опасности данного вида убийства.

Умышленное лишение жизни другого человека, совершенное в состоянии аффекта при отсутствии отягчающих обстоятельств, признается обычным («простым») убийством, предусмотренным ст. 221-1 УК Франции.

Нет такого специального состава убийства в УК Испании, Италии и УК ряда других стран Западной Европы, что свидетельствует об отсутствии системной дифференциации ответственности за убийство и сопутствующей этому несправедливости наказания за его совершение с учетом соответствующих смягчающих обстоятельств.

Согласно § 76 УК Австрии к уголовной ответственности привлекается тот, кто убивает другого человека, **подавшись «всем понятному душевному переживанию»**. Наказывается такой убийца лишением свободы сроком от пяти до десяти лет. Иными словами, указанное убийство рассматривается австрийским законодателем как менее тяжкое, чем «простое» убийство (§ 75 УК, предусматривающий наказание от десяти до двадцати лет лишения свободы), но как более тяжкое, чем убийство новорожденного (§ 79, предусматривающий наказание от одного года до пяти лет лишения свободы). Так что «привилегированным» этот вид убийства не назовешь. Скорее законодатель относит такое убийство **к менее тяжким его видам**, с чем едва ли можно согласиться. К тому же далеко не всем понятно то «душевное переживание», которому «поддается» убийца, и чем это переживание вызывается. Невершенство законодательной формулировки исследуемого состава убийства в § 76 УК Австрии, полагаем, очевидно.

В ст. 113 УК Швейцарии («Убийство в состоянии аффекта») законодатель формулирует ответственность за убийство **«при наличии извиняющих обстоятельств»**, то есть **«находясь в состоянии сильного душевного волнения или под воздействием сильной психотравмирующей ситуации»**.

По сравнению с § 76 УК Австрии в ст. 113 УК Швейцарии говорится о «**сильном** душевном волнении» (**аффекте**), которое оценивается вне зависимости от того, чем или кем оно было вызвано. Наряду с этим («или...») здесь же в качестве альтернативы указанному «извиняющему обстоятельству» называется убийство **«под воздействием сильной психотравмирующей ситуации»**. Думается, «извиняющим обстоятельством» при убийстве можно было бы признать **«сильное душевное волнение»**, а лучше – **«аффект»**, возникший под воздействием «сильной психотравмирующей ситуации», вследствие соответствующего провоцирующего поведения потерпевшего, то есть **совершение убийства в состоянии «оправданного» аффекта**. При этом в ст. 113 УК Швейцарии, а также в §76 УК Австрии оптимальным было бы указание на внезапность возникновения аффекта у лица, виновного в убийстве, и на возникновение такого состояния у последнего **под воздействием длительной психотравмирующей ситуации, обусловленной систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего**, непосредственно после очередного провоцирующего действия (бездействия) жертвы. Возникновение **«кумулятивного аффекта»** в длительной психотравмирующей ситуации, благодаря которой негативная эмоциональная энергия, накапливаясь в памяти мозга, может вырваться наружу бурным эмоциональным «взрывом», когда наличная ситуация затрагивает «аффективные следы» негативного прошлого, в судебной практике по делам рассматриваемой категории – не редкость.

§ 4 ст. 148 УК Польши определяет как «привилегированное убийство **под влиянием сильного возбуждения, вызванного извинительными обстоятельствами**». К сожалению, ни состояние «сильного возбуждения», как психологическое основание смягчения уголовной ответственности, ни «извинительные обстоятельства», как морально-правовое основание ее смягчения, не могут удовлетворять правоприменителя, затрудняя суду и следственным органам правильно определять и оценивать этот вид «привилегированного» убийства.

Слово «возбудить» означает «вызывать, породить какое-нибудь состояние в ком-чем-нибудь»; настроить, восстановить кого-нибудь против кого-нибудь; взволновать, вызвать нервный подъем» [5, с. 91]. Сильно взволновать, значит, вызвать большое нервное напряжение, большой эмоциональный подъем или сильные эмоции.

Изменение равновесия высшей нервной системы и ее деятельности, вызываемое появлением эмоций и чувств, неизбежно сказывается на нормальном течении интеллектуальных и волевых процессов, а, следовательно, и на поведении человека. Неожиданность, известная неопределенность ситуации, опасный или оскорбительный характер внешнего

воздействия, вызывают резкий «всплеск» эмоций, которые уменьшают возможность разумного восприятия объективной действительности, степень осознания человеком своих потребностей и интересов. Однако лишь воздействие эмоций, **достигших степени физиологического аффекта**, позволяет им сделать тот качественный сдвиг в психике человека, который существенно сказывается на его интеллектуальной и волевой деятельности. В **состоянии аффекта эмоциональное напряжение** (душевное волнение, сильное возбуждение) **достигает столь высокой степени, что наступают качественные изменения** (в сравнении со спокойным или относительно спокойным состоянием) **в психике и организме человека** [6, с. 23-36]. Именно поэтому И.П. Павлов считал аффект психическим состоянием, наиболее связанным с инстинктивной или безусловной рефлекторной (бессознательной) деятельностью. В иных случаях внешнее воздействие на психику столь сильно и неожиданно, а нервное потрясение (так называемый «стресс») столь велико, что в высшей нервной системе в какой-то миг происходит перерыв связи между корой и подкоркой, между центрами осознанной и бессознательной психической деятельности человека.

Определяя **«извинительные обстоятельства»** как стрессогенное обстоятельство, вызывающее у виновного **«сильное возбуждение»**, польский законодатель не разъясняет смысл этого понятия, оставляя его достаточно неопределенным, не указывая на «вину потерпевшего», на его провокационное поведение, как на психологическое и моральное основание «оправданности» возникновения «сильного возбуждения» у лица, виновного в убийстве.

Ст. 81 УК Аргентины также определяет ответственность за убийство другого человека **«в состоянии сильного и оправданного имевшими место обстоятельствами эмоционального возбуждения** (п. «а» ч. 1). В отличие от польского, аргентинский законодатель указывает на **«состояние сильного эмоционального возбуждения»** (вместо «сильного возбуждения») и на **«обстоятельства, оправдывающие сильное эмоциональное возбуждение»** виновного (вместо «извинительных обстоятельств»). Однако и такое обобщенное (широкое) законодательное определение исследуемого вида «привилегированного» убийства едва ли может служить образцом для отечественного законодателя.

Российскому уголовному законодательству больше соответствует белорусское уголовное законодательство во многом еще и потому, что правовая доктрина этого союзного нам государства особенно близка российской доктрине права, поскольку обе они в основном восприняли идеи, заложенные в Модельном кодексе СНГ.

Однако норма об ответственности за убийство в состоянии аффекта по УК Республики Беларусь

(ст. 141), при всей ее схожести с аналогичной нормой УК России (ст. 107), имеет и существенные различия по конструктивным и квалифицирующим признакам этого состава преступления.

Так, в тексте диспозиции ст. 141 УК РБ отсутствует термин «аффект», а особое психическое (эмоциональное) состояние виновного, которое психологами рассматривается как пограничное с невменяемостью, максимально и качественно сужающее сознание человека и ограничивающее возможности волевого контроля за своим поведением, именуется **«состоянием внезапно возникшего сильного душевного волнения»**, которое не идентично понятию физиологического аффекта. Как и в ст. 107 УК РФ, здесь (в ст. 141 УК РБ) в названии статьи используется термин «аффект», хотя, как известно, аффект может быть как физиологическим («ограниченная вменяемость»), так и патологическим («невменяемость»). «Сильное душевное волнение», нередко даже «внезапно возникшее», может достигнуть степени аффекта или остановиться в своем развитии и стать устойчивым «состоянием психической (эмоциональной) напряженности» или настроением, не оказывающим существенного влияния на сознание и волю, а, значит, и на поведение человека.

В отличие от ст. 107 УК РФ, в ст. 141 УК РБ вместо слов «иными противозаконными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего» в качестве непосредственного повода, вызывающего у виновного «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», законодатель после слов «иными противозаконными или...» вставляет слово **«грубыми»** и далее по тексту «аморальными действиями потерпевшего...». Тем самым он как будто стремится показать **моральную и психологическую оправданность возникновения у виновного гнева (ярости), ненависти или иного аффективного состояния** как эмоциональной реакции на соответствующее провокационное поведение потерпевшего – грубого, глубоко оскорбляющего или унижающего любого «нормального» («разумного») человека. Это, полагаем, вполне справедливо и логично, если до того по тексту статьи законодатель в качестве поводов возникновения указанного эмоционального состояния лица называет такие сильные стрессогенные и противоправные действия со стороны потерпевшего, как **«насилие»** и **«истязание»**, а также на такое его **«грубое»** и **«глубоко аморальное поведение»**, как **«тяжкое оскорбление»**. **Эмоциональная распушенность**, свидетельствующая, как правило, и о нравственной распушенности, духовной ограниченности человека, не должна поощряться законом, тем более в тех случаях, когда речь идет об умышленном лишении жизни другого человека. В этих случаях убийца проявляет свои негативные личные качества, глубоко спрятанные в нем от посторонних лиц, от общественности. Именно о таких людях, которые,

распалившись от гнева, совершали недостойные поступки, а затем уверяли, что «они не были похожи на себя», Э. Хоу говорил, что именно тогда они «выдавали свое истинное нутро» [см.: 7, с. 264].

В ст. 141 УК РБ и ст. 107 УК РФ в качестве самостоятельного обстоятельства, способного вызвать «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения», законодатель называет **«длительную психотравмирующую ситуацию, создаваемую в результате «систематического противоправного или аморального поведения потерпевшего»**. Но такая ситуация, обусловленная указанными провокационными действиями (бездействием) самой жертвы, предполагает лишь взрывоопасное накопление (аккумуляцию) эмоциональной энергии в психике виновного. Сама по себе она (ситуация) не может служить основанием (извинительным обстоятельством), вызывающим состояние «оправданного» аффекта. Для этого нужен определенный внешний толчок – **очередной провокационный поступок, слова и действия потерпевшего, ставшие той «последней каплей», которая переполняет «чашу терпения» будущего убийцы и приводит к «эмоциональному взрыву», во многом и к невольному срыву в социально-значимом поведении этого человека**. Полагаем, законодателю следовало бы предусмотреть в качестве внешнего основания (повода), вызывающего «морально оправданный» аффект виновного лица, **«противоправные и (или) глубоко аморальные действия (бездействие) потерпевшего либо его систематическое противоправное или аморальное поведение, создавшее психотравмирующую ситуацию, в которой (когда) его очередное провокационное действие (бездействие) вызывает состояние аффекта, не исключающего вменяемости», у виновного**. В отличие от УК РФ (ч. 2 ст. 107), УК РБ (ст. 141) не предусматривает квалифицированный вид данного убийства («убийство двух или более лиц в состоянии аффекта»), что, на наш взгляд, представляется упущением белорусского законодателя.

Отсутствие в ст. 141 УК РБ указания на «состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения» или «состояние аффекта», **не исключающего вменяемости («ограниченная» или «уменьшенная» вменяемость)**, свидетельствует о том, что белорусский (впрочем, как и российский) законодатель не использовал все возможности для того, чтобы восполнить соответствующие пробелы в данной уголовно-правовой норме.

Многие государства, возникшие на постсоветском пространстве, предусмотрели в своем уголовном законодательстве состав убийства, совершаемого в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения или аффекта в редакции Модельного уголовного кодекса (ст. 114). Примером этого могут служить редакции ст. 107 УК РФ, ст. 141 УК РБ, ст. 122 УК Аз.Р, ст. 111 УК Груз.Р и анало-

гичных статей УК некоторых других государств «ближнего зарубежья». В качестве смягчающего обстоятельства как конструктивного признака состава этого «привилегированного» убийства законодатель указывает **«состояние аффекта»** или **«состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения»**, рассматривая эти виды психической (эмоциональной) напряженности как тождественные понятия в случае, если они вызваны «насилием, тяжким оскорблением (например, в ст. 122 Азербайджанской Республики и ст. 141 УК Республики Беларусь) и «издевательством» (например, в ст. 107 УК России) со стороны потерпевшего либо «иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего», а равно длительной психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего».

В ст. 111 УК Грузии говорится об убийстве «в состоянии сильного душевного волнения» или «в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения» (эти понятия рассматриваются как тождественные), вызванного противоправным насилием, тяжким оскорблением или иным тяжким аморальным деянием со стороны жертвы по отношению к виновному или его близкому родственнику, а равно психической травмой, обусловленной неоднократным противоправным или аморальным поведением жертвы».

Лингвистический и юридический анализ ст. 111 УК Грузии показывает:

Использование понятия, **«сильное душевное волнение»**, которое захватывает психику виновного в результате провокации потерпевшего, преследует цель сделать более понятным для простых граждан язык закона, ибо **«душевное волнение»² это сильная тревога, нервное беспокойство, проникшее во внутренний мир человека, охватившее его психику, оказавшее большое влияние на его сознание и волю как разумную активность в структуре его психической деятельности**.

«Сильное душевное волнение» – это относительно неопределенная количественная характеристика «взвинченного» состояния психики человека. Психологи определяют его как **«состояние психической (эмоциональной) напряженности»**. Оно может проявляться как **относительно устойчивое психическое состояние** («сильное душевное волнение» или «нервное беспокойство» или даже «настроение»), **не оказывающее существенное влияние на сознание и волю, а следовательно, и на разумный характер поведения человека, так и кратковременное, «взрывное», качественно изменяющее сознательно-волевой характер**

² «Душа» – «внутренний, психический мир человека, его сознание» [5, с. 183]. «Волнение» – «сильная тревога, нервное беспокойство» [5, с. 94].

психической деятельности и внешнего поведения состояние («внезапно возникшее чрезвычайно сильное душевное волнение» или «физиологический аффект»). «Состояние физиологического аффекта» на юридическом языке можно определить как «состояние ограниченной (уменьшенной) вменяемости, которое законодатель называет «психическим расстройством, не исключающим вменяемости», находясь в котором «лицо... не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими» (ст. 22 УК РФ).

Иными словами, «сильное душевное волнение» – понятие, которое используется законодателем в данной уголовно-правовой норме, можно толковать, строго говоря, и как **относительно устойчивое состояние психической напряженности** (эмоцию в узком смысле), и как **состояние психической напряженности, достигшей аффекта**, – **крайней степени эмоционального напряжения, которое оказывает дезорганизующее влияние на деятельность человека, возбуждая и направляя эмоционально доминированную активность субъекта** [4, с. 8]. Поэтому указание законодателя на «внезапность возникновения» сильного душевного волнения у виновного в убийстве лица **приближает** это определение психической напряженности (стресса) **к восприятию его как состояния аффекта, но не делает его тождественным аффекту**. «Аффекты, – пишет П.И. Иванов, – возникают большей частью внезапно»³ [8, с. 259]. Более корректным и в юридическом смысле более правильным было бы именовать в уголовном законе это психосоматическое основание смягчения ответственности за убийство (очевидно, и за причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью) «состоянием физиологического аффекта» или «состоянием психического расстройства, не исключающего вменяемости» [6, с. 43].

Исходя из толкования буквального смысла понятий «психика»⁴ и «расстройство»⁵, «психическое расстройство» можно характеризовать как **плохое (ненормальное, неисправное или беспорядочное) состояние сознания, а значит, и нервной (душевной) деятельности, нарушение ее порядка, системности и иерархии психических процессов, протекающих в коре и подкорке головного мозга человека, сопровождающееся ослаблением со-**

³ Иногда аффект возникает при воспоминании о перенесенных обидах, при одном виде или слове человека – предмета гнева или ненависти данного субъекта. Это так называемый «запоздалый» аффект, «более осознанный и управляемый в сравнении с «внезапно возникшим» в ответ на неправомерные действия потерпевшего» [см.: 6, с. 42-43].

⁴ «Психика» – «нервная система, душевная деятельность; отражение в сознании, в нервной системе человека объективной действительности» [5, с. 630].

⁵ «Расстройство» – «беспорядок; утрата душевного равновесия» [5, с. 664].

знательно-волевого контроля над эмоционально-чувственными проявлениями его психики, кратковременным доминированием переживания над смысловым (осознанным) восприятием отражаемой объективной действительности. При аффекте «предмет возникновения эмоционального переживания спонтанно и, как правило, мгновенно овладевает вниманием субъекта, то есть становится одновременно и предметом наиболее ясного восприятия, занимает в феноменологическом поле сознания место «фигуры», по отношению к которой все прочее воспринимаемое выступает в качестве «фона». В случае предельно сильных аффектов «фон» как бы вовсе исчезает, образуя «феномен» так называемого «сужения сознания». Душевная деятельность становится односторонней из-за единственного стремления осуществить свое намерение» [9, с. 261].

Аффект, как и любая психическая напряженность, «не может возникнуть, если не происходит отражение ситуации» [8, с. 21]. Возникая в трудных условиях, психическая напряженность оказывает сильное влияние на эффективность продуктивной деятельности человека. «Характер этого влияния определяется как самой ситуацией, так и особенностями личности, ее мотивацией и т.д.» [8, с. 8-9]. В исследуемом составе убийства законодатель указывает на «аффект, возникающий непосредственно вслед за воздействием соответствующего внешнего раздражителя, и спустя какое-то непродолжительное время, но все еще под его впечатлением» [6, с. 43]. Таким раздражителем или **непосредственным поводом** как стрессогенным элементом ситуации, вызывающим у виновного состояние аффекта, являются **противоправные или аморальные действия потерпевшего** (в ст. 111 УК Грузии – «противоправное насилие, тяжкое оскорбление или иное тяжкое аморальное деяние жертвы по отношению к виновному или его близкому родственнику»), а равно длительной **психотравмирующей ситуацией, возникшей в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего** (в ст. 111 УК Грузии – «...психической травмой, обусловленной неоднократным противоправным или аморальным поведением жертвы»).

Особо интенсивная, демонстрирующая «сверх-обычную величину физиологических изменений, превосходящую обычную для организма норму» [8, с. 10], ведущая к «понижению устойчивости психических и двигательных функций, вплоть до дезинтеграции деятельности» [8, с. 13], психическая напряженность возникает в ситуациях, которые относятся **к значительным событиям для жизни человека** [8, с. 23]. Как говорил Н.П. Карабчевский, «не может добровольно вынести человек одного: нравственного принижения своей духовной личности и бесповоротного ее падения» [10, с. 469].

Содержание познавательной деятельности, а значит, и оценка отражаемой объективной действитель-

ности и поведения человека в состоянии аффекта «определяется как условиями ситуации, так и качеством эмоционального переживания» [11, с. 57], которое характеризует «жизненную значимость... предметов действительности в процессе отражения их актуально переживаемыми эмоциями» [11, с. 58]. Можно сказать, что не само по себе расстройство психики (аффект) виновного, а только в связи с неправомерными действиями потерпевшего и только в зависимости от характера этих действий, всей моральной стороны совершаемого виновным деяния, служит смягчающим обстоятельством в рассматриваемой норме уголовного права [6, с. 43, 44-47].

Исходя из этого, стремление законодателя в статье УК, предусматривающей ответственность за убийство, совершенное в состоянии «оправданного» аффекта, отразить объективно повышенный провоцирующий и стрессогенный характер негативного поведения потерпевшего, например, путем указания на **противоправность** «насилия», **тяжесть** «оскорбления» или **тяжесть** иного аморального деяния жертвы (в ст. 111 УК Грузии), либо на «насилие», «издевательство» или «тяжкое оскорбление» со стороны потерпевшего (в ст. 107 УК РФ), представляется вполне оправданным и логичным. Правда, при этом грузинский законодатель не предусмотрел в качестве непосредственного повода возникновения у виновного аффекта «**иных противоправных деяний**», помимо «**противоправного**» насилия и ограничил юридическое значение указанных стрессогенных (и виктимогенных) стимулов их направленностью на самого «**виновного или его близкого родственника**». Полагаем, что подлинная человеческая мораль и правда жизни допускают возможность возникновения и проявления аффекта у того равнодушного человека, который стал очевидцем насилия, издеательства, тяжкого оскорбления в отношении детей, стариков, женщин, слабых и незащищенных людей, не являющихся его близкими родственниками. Роль возбудителей аффекта в исследуемых уголовно-правовых нормах выполняют противоправные и аморальные, глубоко оскорбительные, социально-опасные или унижающие человеческое достоинство деяния потерпевшего.

«Всплеск» эмоционального переживания и развитие эмоционального отношения к определенному человеку, когда это обусловлено его провоцирующим поведением, зависит от **представления о намерении его действий (бездействия)**, а также «от признания справедливости, оправданности действий, служащих причиной исходного удовольствия – **неудовольствия**» [11, с. 66]. Поскольку психологическая характеристика аффективного состояния зависит от **внешних воздействий**, постольку они «должны быть достаточно сильными для человека». Но она в конечном счете зависит «от **личностного смысла цели деятельности, оценки ситуации, в которой**

он находится, и т.д.» [8, с. 23-24]. Человек так или иначе корректирует свои действия в эмоционально «заряженном» состоянии «адекватно личностному смыслу» [8, с. 25]. Люди при этом «**различаются по склонности задумываться об оправданности своих эмоций даже на мгновение**» [11, с. 67]. По словам мудрого Пиндара, «склонность к ссоре, поношению и зависти – спутник пустых людей».

Таким образом, «**не сам вред, причиненный нам, возбуждает у нас столь осязаемое неудовольствие, как презрение, ненависть к нам того лица, которое нас обижает**» [11, с. 67]. Иными словами, «**действие человека может выступать перед нами двояко: своими объективными предметными последствиями – как нечто совпадающее или идущее вразрез с нашими ценностями и практическими интересами, и своим личностным смысловым содержанием – как сигнал об эмоциональном отношении к нам этого человека**» [11, с. 67-68].

С учетом компетентного мнения психологов следует признать более правильной формулировку извинительных обстоятельств, вызывающих состояние «оправданного» аффекта у виновного лица, которая дается в ст. 107 УК РФ, а именно: «...аффекта, вызванного насилием, издевательством или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего либо иными противоправными или аморальными действиями (бездействием) потерпевшего...». Указывая на такие сильные и распространенные эмоциональные возбудители, как «насилие», «издевательство» и «тяжкое оскорбление», законодатель ориентирует судебную-следственную практику на **тщательную оценку тяжести, силы воздействия возможных или реальных последствий, степени заложенного в них унижения или оскорбления, причиняемого виновному противоправными или аморальными действиями потерпевшего**. Конечно, нельзя признать сколько-нибудь положительным, например, решение эстонского законодателя указать в качестве возбудителя «внезапно возникшего сильного душевного волнения» лишь на «насилие или тяжкое оскорбление» (ст. 103 УК Эстонской Республики). Безусловно, «оправданный» аффект могут вызвать и иные противоправные или аморальные действия потерпевшего. Однако законодатель должен предостерегать правоприменителя от оценки как «привилегированного» убийства, совершенного в состоянии сильного душевного волнения, исходной причиной которого стала «эмоциональная распушенность» человека, его эгоистичность, глубокая безнравственность, общественная опасность. Вот почему так важно **во всех без исключения случаях по делам данной категории назначать и проводить судебную психологическую, а лучше – комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу, которая должна ответить на вопросы: о наличии или отсутствии у виновного в момент совершения убий-**

ства состояния физиологического аффекта; о том, насколько возникший у него аффект «оправдан» и справедлив с позиции морали и права; о том, насколько он «обоснован» с позиции достаточности провоцирующего поведения потерпевшего как непосредственного повода («эмоционального сигнала»), вызвавшего это состояние. Полагаем, что такое указание должен дать Пленум Верховного Суда РФ в своем руководящем постановлении.

В ст. 107 УК РФ в качестве исходной внешней причины (непосредственного повода) возникновения «оправданного» аффекта виновного указывается также «психотравмирующая ситуация», «возникшая в связи с систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего», а, например, в ст. 111 УК Грузии – «психическая травма», «обусловленная неоднократным противоправным поведением жертвы».

Повторение (неоднократное или систематическое)⁶ определенных противоправных или аморальных действий (бездействия) будущей жертвой убийства сопровождается «прогрессирующим накоплением ответных переживаний в памяти мозга» будущего убийцы и способно вызвать «неожиданные эмоциональные «вспышки» между ними [11, с. 68]. Психологи объясняют это явление тем, что «в процессе отражения предметов действительности актуально переживаемыми эмоциями» в памяти мозга человека сохраняются «аффективные следы» с помощью «функции синтеза», которые «увеличивают вероятность воспроизведения этого содержания в будущем и связанную с нею эмоциональную нагрузку» [11, с. 58]. «Аффективные следы» возникают вследствие специфического фиксирующегося переключения сильного аффективного переживания на все, что попадает в этом состоянии в поле восприятия субъекта» [11, с. 69]. Запечатленное «в следах памяти» аффективное переживание отличается «сильной тенденцией к развитию, к порождению реальных побуждений «отплатить» предмету (ненависти, гнева, тоски, ревности и т.п. – А.Б.) ... протестом, иронией, угрозой, агрессивными действиями – за неудовольствие, полученное от него» [11, с. 65]. Сложившаяся в результате постоянного, непрекращающегося повторения провоцирующих действий (бездействия) будущей жертвы психотравмирующая ситуация способствует тому, что «одно слово, услышанное человеком, способно вновь воспроизвести пережитый ранее сильный аффект при условии, если оно обозначает некоторую, возможно, случайную деталь родоначаль-

ной аффективной ситуации, или каким-то другим способом напоминает об этом аффекте». При этом «сознанием овладевает не стимул-причина, а собственно предмет аффекта, отсутствующий в наличной ситуации» [11, с. 58].

Таким образом, в психотравмирующей ситуации, обусловленной систематическим противоправным или аморальным поведением потерпевшего, может быть вызван («воспроизведен») аффект, запечатленный в «следах памяти» виновного, который, реагируя на слово, принятое решение, совершенный поступок или другие активные действия потерпевшего, как-то (чем-то) напоминают «предмет аффекта, отсутствующий в наличной ситуации», может развиваться в желание совершить ответные агрессивные действия, неадекватные «стимулу-причине». Однако этому всегда предшествует, так называемая «стимул-причина» (сказанное слово, активное действие или бездействие, напоминающее предмет аффекта «в следах памяти»), которая становится **непосредственным поводом** (толчком, сигналом) – своеобразным «спусковым механизмом», воздействующим на организм человека, его мозг, на личность виновного, от психологических, социально-нравственных и иных особенностей которого зависят его эмоциональная и поведенческая реакции на внешний раздражитель [12, с. 82]. В состоянии психической напряженности «чаще развиваются желания, осуществление которых, во-первых, возможно, во-вторых, не влечет за собой угрозы наказания» [11, с. 65].

«Длительная психотравмирующая ситуация», а не «психическая травма», обусловленная неоднократным противоправным или аморальным поведением жертвы (ст. 111 УК Грузии), «располагает» к аффекту виновного. В иных случаях достаточным стимулом для его возникновения могут оказаться очередное оскорбительное слово, повторное насильственное действие, иное даже не глубоко аморальное поведение «провокаатора-потерпевшего», обозначающее «деталь родоначальной аффективной ситуации». Психологи считают, что «неблагоприятные условия, особенно если они принимают длительный, затяжной характер, либо следующие один за другим обстоятельства, вызывающие отрицательные эмоции, способны вывести из строя любую, до этого вполне здоровую нервную систему, в том числе принадлежащую к сильному типу» [13, с. 71]. **Юридическая и психологическая оценка повода, непосредственно вызвавшего у лица, виновного в убийстве, «оправданный» аффект, не может даваться в отрыве от предшествующего поведения потерпевшего, его отношения к будущему убийце, хотя не освобождает суд от обязанности выделить и оценить вначале те конкретные действия (бездействие) жертвы, за которыми последовал эмоциональный «срыв» в психике виновного и его ответные действия, продиктованные желанием «отомстить» своему обид-**

⁶ В рассматриваемой уголовно-правовой норме более правильно говорить о «систематическом» повторении, т.е. о «постоянно повторяющемся, не прекращающемся» провокационном поведении жертвы [см.: 5, с. 719] вместо «неоднократного», т.е. об «имеющем место несколько раз» или «два или более раза» [5, с. 408], имея ввиду складывающуюся в результате этого «длительную психотравмирующую ситуацию».

чику. Такая оценка может быть правильной только с учетом личностных особенностей, которые, по мнению психологов, «определяют устойчивую predisposition к тем или иным формам реагирования в стрессе» [8, с. 74]. Моральная «оправданность» и психологическая «обоснованность» возникновения у лица состояния аффекта – конструктивного признака данного состава «привилегированного» убийства, предполагает соответствующую **оценку как степени противоправности и аморальности, так и степени стрессогенности провоцирующего поведения потерпевшего, а также оценку действительного психического (эмоционального) состояния виновного в момент совершения преступления, связанного с личностными особенностями «реагирования в стрессе».**

Сравнительный анализ зарубежного уголовного законодательства об ответственности за убийство в состоянии, которое мы условно определяем как «состояние «оправданного» аффекта, с аналогичным отечественным законодательством дает возможность увидеть значительные пробелы и некоторые позитивные положения, которые имеются в определении этого вида «привилегированного» вида убийства в диспозиции ст. 107 УК РФ, и дать указанные в данной работе рекомендации по совершенствованию его законодательного определения, конструктивных признаков данного состава преступления, которые находят отражение в «оправданности» возникновения аффекта виновного как основания существенного смягчения ответственности за убийство. Последнее было бы невозможно без соответствующего психологического исследования аффекта как особого эмоционального состояния (переживания) и как специфического эмоционального процесса, который существенно изменяет сознание и волю человека, затрудняет его разумную психическую деятельность, придает его поведению неадекватный ситуации по содержанию и хаотичный по форме характер. Стремление многих ученых-юристов, зако-

нодателей и юристов-практиков обойтись без глубокого познания психологии поведения и психологии личности человека, находящегося в состоянии психической напряженности, достигшей степени аффекта, не позволяет им правильно понять, раскрыть, оптимально описать в уголовном законе и безошибочно применять на практике положения, касающиеся психологической и морально-правовой природы социально-опасного поведения лица в состоянии «оправданного» физиологического аффекта.

Литература:

1. Симонов П.В. Что такое эмоция? // Наука и жизнь. – 1965. – № 5. – С. 71-96.
2. Павлов И.П. Полн. собр. соч. Изд. 2-е. Т. VI. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. – 421 с.
3. Ансель М. Методологические проблемы сравнительного права // Очерки сравнительного права. – М., 1991. – С. 36-87.
4. Наенко Н.И. Психическая напряженность. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 226 с.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1997. – 944 с.
6. Сидоров Б.В. Аффект. Его уголовно-правовое и криминологическое значение. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 1978. – 160 с.
7. Энциклопедия мысли. Книга первая. – СПб., 2000. – 592 с.
8. Наенко Н.И. Психология. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 259 с.
9. Калашник Я.М. Патологический аффект // Сб. «Проблемы судебной психиатрии. Вып. 3. – М., 1948. – С. 249-261.
10. Дело Николая Квашина. Речи 1982-1914 гг. Изд. 3-е, доп. 7-ю речами. – Петроград – Москва, 1916.
11. Виллюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976. – 142 с.
12. Элькин Д.Г. Конспект лекций по психологии. Ч. 3. – Одесса, 1970. – 101 с.
13. Ольшевская О. Роль и значение эмоций. – Минск: Изд-во Беларусь, 1968. – 115 с.

Criminal Law on Liability for Killing in the Heat of “Justified” Passion: System Characteristics and Critique

A.G. Babichev

Kazan (Volga Region) Federal University

The paper dwells upon socio-psychological and moral-law characteristics of Russian and foreign criminal law concerning liability for killing under the influence of extreme emotional disturbance due to provocative behavior of the victim. The authors present comparative analysis of current criminal law and give recommendations for its improvement and avoidance of mistakes in law-enforcement practice.

It is recommended for judges, investigators, other law-enforcement officers, lawyer, scholars, post-graduate students and adjuncts, students of juridical departments.

Key words: murder, extreme emotional distress, extreme emotional disturbance, stress, the guilty, the victim, wrongful or immoral behavior, psycho-traumatic situation, mitigating circumstance, “privileged” crime.